

Владислав Отекши

Сборник номер 1

Проклятие мясника. 14-й маршрут. Загадка свиного пяточка

Владислав Отекши

**Сборник номер 1. Проклятие
мясника. 14-й маршрут.
Загадка свиного пяточка**

«Издательские решения»

Отекши В.

Сборник номер 1. Проклятие мясника. 14-й маршрут. Загадка свиного пяточка / В. Отекши — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904880-6

1) Мясник принимает предложение таинственной незнакомки. Перед ним трудный выбор между собственной фобией и данным обещанием. 2) Мой собеседник по переписке (по электронной почте) попал в странную ситуацию. Он описал ее и отправил мне в сообщении. Это была обычная поездка на автобусе из города в свой поселок. Почти. 3) История участкового Василия Потайного, который принимает вызов об отравлении. Он немедленно берется за расследование этой загадки.

ISBN 978-5-44-904880-6

© Отекши В.
© Издательские решения

Содержание

«Проклятие мясника»	6
Хороший пес	6
Реликвия	8
Уходящее время	9
Дело бабы Зины	10
Битва молота и ножа	12
Черные глаза	14
Оружие для пса	16
Возвращение черных глаз	17
Говорящие глаза	18
От крика до истерики	19
Клятва мясника	21
Глаза и шерсть	22
Поломанный брус	23
Я мог бы стать отцом	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Сборник номер 1
Проклятие мясника. 14-й
маршрут. Загадка свиного пяточка**

Владислав Отекши

© Владислав Отекши, 2018

ISBN 978-5-4490-4880-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Проклятие мясника»

Хороший пес

Всегда боялся собак. Люблю этих созданий, но боюсь! У меня есть собака, есть пес – Бим. Защитник моего дома. Наверно, это единственная собака, с которой могу поддерживать дружеские отношения. Но все ровно осторожно. Бим – смесь овчарки и собаки неизвестного происхождения. Шерсть у него черная. Живот и половина морды серые. Он большой, и ноги у него мощные пушистые, и как обычно грязные. Он из тех собак, кто любит купаться в грязи, лежать в грязи, сидеть в грязи. И играть в ней же. Он тот еще хулиган. Если отвязать – попробует залезть во все сараи, во все коморки. А в сараях у меня живность. Но это полбеда. Это все моя территория, мой двор. А вот если он побежит по огородам, по чужим землям. Тогда я слышу крик у ворот. Обычно бабы Зины.

– Ваш хулиган, весь огород перекопал! Вы видели мои помидоры? —

Да, Бим вывел новый сорт – черных помидор.

Поэтому он был на цепи. Цепь на кольцо, кольцо на металлической проволоке, протянутой вдоль двора. От будки у сарая с инструментами, до голубых ворот, у опоры винограда.

И он бегал туда-сюда. Слышался металлический шелест. Шшш. В одной стороне. Лай. Увидел, как куры бегают по загону. Шшш. В другой стороне. Увидел – прохожие идут по улице. Весело.

У сарая стояла алюминиевая кастрюля, в которую моя жена наливала еду. Увы, донести еду до кастрюли было сложно. Бим с бешеными глазами, с открытым ртом полным слюней – прыгал, скакал, рычал, готов был съесть прямо с рук. Кастрюля падала, то на бетонную плитку двора, то на спину Биму. Жена начинала кричать.

Или Бим мог поджидать у двери дома. Жена только выходит с кастрюлей, а он сидит напротив в предвкушении. Тогда жена ставит кастрюлю, закрывает дверь и говорит: «Дорогой, покорми Бима!»

А я выхожу! Он удивленно встает.

Его глаза говорят: «Так, здесь что-то не то!»

И подходит, не торопиться начать атаку. А я ему: «Хороший пес! Ты же хороший пес! Ты же не свинья какая-нибудь! Ты не хочешь, есть с земли, ты хочешь, есть с посуды! Так, друг?»

Я шел спиной к будке, а сам смотрел на пса. Он слушал и шагал. Потом я наливал еду в кастрюлю, он ускорялся и жадно ел. Бывало, если был очень голоден – тоже нападал.

И я ему опять: «Нельзя Бим! Стоять! Ты же хороший пес!»

А он: «Хороший, хороший!»

С собаками надо разговаривать, как с детьми. Так с ними проще найти связь. Это не раз мне помогало, когда я шел по тротуару, а напротив – здоровая псина. Я боялся, и всегда представлял картину самого худшего варианта. Как псина начинает кусать меня. За ногу, за руку. Или прыгнет, повалит меня, и начнет кромсать лицо. И еще хуже – убьет.

Но эти мыли нужно подавить. Ты должен думать, что не являешься опасностью для нее, и она для тебя. Идешь с миром и добротой. И смотришь в глаза. Собаки чувствуют это, твое отношение, и проходят мимо или жалобно просят ласки.

А бывает, она смотрит на тебя, а ты на нее. Она такая большая опасная, стоит уверенно, не шелохнется. Как статуя! Начинает гавкать.

А ты ей: «Хороший пес! Я только пройду и все! Пропусти меня. Ты же, хороший пес!»

Или хуже того – собака начинала гавкать после этих слов. Но ты не узнаешь точно, чем все закончиться! Но, честно, сказать я могу и маршрут поменять если ситуация накаляется. Только уходить требуется тоже медленно и осторожно.

Реликвия

Я мясник. Я занимаюсь мясом. Мясо мой хлеб. Мой чай и печенье. Я бью коров, кроликов, кабанов. То есть если есть у кого-то скот, который нужно завалить, вызывают меня. Я бью и разделываю, и за это мне платят. Также я сам держу свиней, кроликов, нутрий и кур.

Я мясник, как и мой отец, как и мой дед. Чем занимался отец деда, и дед деда не знаю. Знаю, по словам бабушки, а слышал я эти слова давно, отец деда был революционером, за что и сел. Поэтому прадеда воспитывала одна мать. Возможно, революционная деятельность объясняет наличие в доме старого ружья. Это реликвия нашей семьи. Правда, о нем знаю только я. Оно заперто в металлическом ящике, в подвале. Тульское дореволюционное классическое двустольное (горизонталка) ружье ТОЗ-Б шестнадцатого калибра с отрывным цевьём. Так как о ружье знал только я, то информацию искал только сам. И благодаря помощи племянника в интернете (я стар до таких технологий), и форме подушки ствола (юбка), креплению цевья, и выпуклому гребню ниже курков и по бокам колодки, определил примерно период выпуска (1902 – 1941). А отсутствие, каких либо маркировок, то предполагаю, что еще до революции, ведь первые семь лет оно выпускалось кустарно, без оформления соответствующей документации.

– Хочу помочь знакомому узнать год ружья! Я рассказал, – что могу посмотреть по этому телевизору! – Ответил, когда племянник спросил: «Зачем мне эта информация?»

– Компьютер дядя! – Поправил он.

– И этому?! – Я замялся.

– Интернету! – Напомнил он.

Видимо, передать ружье я должен ему. Сына у меня нет. А дочери, зачем такая старая вещь? На стволе изогнутые царапины, на прикладе скол, и пятно в виде вытянутого овала. Но механизмы рабочие.

Я не часто держу его в руках, и еще реже стрелял. После смерти отца ни разу не использовал. Но это ружье – труженик, и могло еще послужить. Но качеством не выделялось. Я включал свет. Садился на стул, а вокруг: старые книги, стулья, коляска, велосипед. Ящики с картошкой, луком, морковкой, свеклой, капустой, яблоками. Полка с купоркой, или как я узнал, что ее называют «закрутка».

Слой пыли покрывал все как одеяло. Я доставал ружье и начинал чистить. Смотрел на его черты и думал: «Что оно видело? Кого видело? Кто держал его в руках? И на кого было направлено? И было ли?»

Чтобы убить человека требуется причина! Серьезная причина! Если человек бил человека, заслуживает ли он смерти? Лично, я не знаю ответа! Даже ели убитый мой родственник!

Уходящее время

У каждого человека есть свое проклятие. Кто-то не может иметь детей. Кого-то терзает вина. Кого-то преследуют поражения. Мое же проклятие. Проклятие мясника. Оно было мне предрешено свыше. И сейчас, если смотреть на все события, то можно проследить цепочки – решений и следствий. Я не писатель и не могу составить рассказ по правильному сценарию, с постановками и элементами. Я лишь хочу выложить, все как было. От начало и до конца. И решить какое решение принять.

Все идет так быстро, не успеваешь ухватиться за день, и тот день как скоростная электричка «Лихая – Ростов» довозит тебя до года. Особенно, когда заканчивается юность.

Я могу проследить по табаку уходящее время. Мой отец крутил самокрутки после рабочего дня. Заворачивал в газету медленно, не торопясь, наслаждаясь каждому действию. Потом закуривал, и облако дыма опутывало его. Это картина меня впечатляла, когда я был ребенком. Мне было четыре. Третий год после того как Гагарин побывал в космосе.

В юности, когда отца уже не было, я курил «Новости» когда не было денег, или «Яву». Очень редко позволял себе «Космос», в которых были эти тайные знаки в упаковке, которые можно было собрать и обменять на блок. Если купил «Космос» то неделю на воде и хлебе. Или «бычки тротуарные».

Потом я бросил курить, когда страна, в которой я родился, исчезла и родилась другая страна. Потом только «Ява». Начало нового века «Петр 1». В настоящий момент «Бонд».

Дело бабы Зины

Так вот история моя началась в 87 году. Я курю «Яву». Денег нет. Мне 27 лет. Только встретил свою будущую жену – Викторию. Тогда еще вспоминали аварию на Чернобыльской АЭС.

Нешумовка – небольшой шахтерский поселок в Ростовской Области КрасноСулинского района. Здесь есть железнодорожная остановка, и центральная улица (единственная заасфальтированная), пересекающая все шесть других. Рабочая, Садовая, Сестер Сурниных, Ленина, Кирова и Пушкина. Дорога поднималась вверх от улицы Пушкина до Рабочей. У Рабочей улицы двухэтажная школа из красного кирпича, и библиотека. На стене школы белым кирпичом был выложен – ученик, над головой державший учебник. За школой бараки. Также улицы пересекали кривые переулки. Поселок окружало на востоке лесное хозяйство с ореховой рощей. Со знаменитой ореховой рощей. На западе поля. Там выращивали подсолнухи. За школой, за бараками торчали темно-синие терриконы (искусственная насыпь из породы, в 50 метров в высоту, в виде конуса) от вырытых угольных шахт. А в самом поселке по краям улиц и переулков росли высокие тополя, и их аромат витал в воздухе.

Я жил на улице Кирова. В самой ее середине, на углу, у переулка. Голубые ворота двора и гаража. Голубая лавочка. Белый одноэтажный домик. Зеленый виноград свисает над двором. И одинокое дерево Тютины над двором, загораживающие окна дома и сад. Уже прошло пять лет как не стало отца. Он воевал, получил ранение, был отправлен домой. Он часто болел. Война убила его позже, когда уже закончилась. А матушка переехала к сестре, в город. Поэтому хозяином дома стал я.

Это было 28 августа. Жаркий денек. Лето еще не закончилось, а осень не началась. Но жара не сдавалась и припекала изо всех сил.

Еще не было дождя, после которого можно сказать: «Вот и осень настает!». Две недели пекла. А до этого температура держалась оптимально, был маленький ветерок, который спасал живых существ. А сейчас народ активно жаловался на погоду!

Я ходил, – работу искал по дворам.

Спрашивал: «Кому нужны мои услуги!?».

А мне говорили: «Не сегодня!».

– Он еще молодой! Я сама обращаюсь, если потребуется! —

– Ага, крови захотел, мясник!? Или поесть? – С намеком, что обленился и голодаю.

Даже в мясном павильоне в соседнем поселке, где я подрабатывал – работу предложить мне не смогли. Все туши уже порубали. А с теми кусками, которые остались, могли справиться слабые женские руки.

Поэтому я бросил поиски. И питался своими благами, что в огороде, что в сараях. Но, если бы так пошло дальше, то куры мои долго бы не прожили.

В то время Вика меня еще не кормила. А пес Бим еще не родился и не мог составить мне компанию. И вот на четвертый безработный день! Я пью чай без сахара на кухне в полдень. По стеклу постучали. Прошли во двор, и стали стучать. Я никого не ждал.

Я бросил чай, вышел в старый деревянный коридор с облупившейся краской и скрипучими досками на полу. Посмотрел в окно. Через стекло на меня тоже смотрело лицо. Лицо бабы Зины. Ее глаза любопытно смотрели на меня, а рот открылся от удивления. Седые волосы нелепо лежали на голове. Рот соседки закрылся, а потом опять открылся и стал говорить: «Здравствуй Гоша! Ты занят?».

Иногда я ей помогал по хозяйству. Но учитывая мое безделье, желания никого не было.

– Не совсем! А что такое баб Зин? —

Я вышел во двор. Баба Зина стояла в длинном цветочном халате и тапочках.

– У меня сестра! У нее телята! А валить некому! А потом поздно будет! Гоша помоги, пожалуйста! Они заплатят. И деньгами и мясом. Не обидят! —

Ее медленный голос иногда заикался.

«Телята? Не теленок! Несколько!!! Значит и плата больше!» – Смекнул я.

– Хорошо! Сейчас оденусь. Возьму, что требуется! А куда подойти? —

– Ко мне подходи, Гоша! Муж сестры тебя отвезет! —

Я пошел собираться, а чай начинал остывать.

Битва молота и ножа

Я взял молот и длинный острый нож. Одел рабочее обмундирование – тапки, шорты и белую майку – борцовку, с пятнами на груди и животе. Майка много чего пережила.

Подошел ко двору соседки. У ее ворот стояла зеленая копейка.

– Здравствуйте! —

– Гоша, это дядя Вова! – Сказала соседка, сидя на лавке у металлического забора.

За рулем сидел небольшой худой мужичок в серой рубашке и очках.

– Здравствуйте! – Сказал я опять.

Я пожал руку через открытое окно двери.

– Садись! – Сказал он.

Я положил молот и нож у ног. И сел на сиденье. Дядя завел автомобиль, и мы выбрались на дорогу и направлялись в соседний поселок. Точнее за него, где сестра соседки держала скот. Дорога спускалась вниз от асфальта, и превращалась в две параллельные линии на земле от колес, теряющихся в тополях. Копейка спустилась вниз, объехала деревья. За ними показался зеленый старый забор. Дальше поле. За полем торчали треугольники домов поселка. Копейка остановилась у деревянных ворот. Дядя Вова нажал на руль. Клаксон засигналил. Из-за ворот показалась фигура в цветочном халате, только светлом. Фигура открыла ворота, мы заехали внутрь. Я увидел длинный сарай на противоположной стороне с несколькими дверьми. С другой стороны загон. Стоги сена сложенные в углу. Вилы торчали в сене.

Машина остановилась. И фигура, быстренько закрыв ворота, также быстренько подбежала к двери, когда я выходил.

У бабы Зины сестра была моложе ее. Тоже старушка, но двигалась активно, чувствовалась энергия, исходящая из нее. Она говорила быстро, поэтому нужно было успевать за ней.

– Здравствуйте, спаситель наш! Извините, что отвлекли вас в такой жаркий день! —

Я хотел сказать: «Нечего!», но не успел, и старушка продолжила.

– У нас тут товарищ, который с нами работал – заболел! Сами понимаете, вчера погулял, а сегодня тело свое не чувствует! А нужно телят валить. Завтра на рынок повезем. А они годовалые уже. Не рентабельно держать. Сами знаете. Помогите, сынок! —

– Хорошо, бабусь, помогу! —

Я достал молот и нож.

– У нас семеро телят. Нужно завалить и расчленивать. Мы тебе мясом оплатим! А когда мясо продадим, то и деньгами. И мясо можешь взять. Сам решишь, как поступить! —

«Семеро телят! Это же работы на три дня!» – Считал я.

«Но лучше чем сидеть без работы!»

Валить телят – это часть дела. И самое маленькое. А вот разделка – вторая часть самая длительная и сложная. И все это предложение, которое я принял, заняло больше времени, чем я думал, и еще больше сил. Это мой первый серьезный заказ. И для меня это был ад! Жаркий день. Пот литрами стекал с меня. Майка липкая мокрая. Лоб красный. Голова разбухла по бокам. Руки как двигатель автомобиля работали, совершая одни и те же движения.

Я проклинал все. Свое нытье, что не было работы. Попытки найти ее! Бабу Зину со своим стуком в окно. Себя, что решил посмотреть – кто пришел. Сидел бы дурака валял. Пил бы горький чай.

Всем хозяйством руководила баба Люда. Столько энергии! Дядя Вова не мог создать конкуренцию. На бабе Люде и кормление, и выгул, контроль кормов, воды. Поиск и найм работников. Дядя Вова занимался только сырьем.

Телята у них были в отдельных небольших узких сараях с двумя дверьми. Задняя – вела в загон. Передняя для корма. В конце загона – имелся еще один сарай, для забоя. И каждого молодого бычка отводили туда. Чтобы, не боялись соседние, и для удобства процесса. Баба Люда отдала мне своего супруга в помощники, и мы принялись за дело. Но о нюансах своей работы я писать не буду. Не думаю, что следует описывать подробности этого кровавого ремесла.

После первого я вышел во двор, подышать и попить воды. Солнце продолжало печь. Когда я держал кружку воды в руке, то у нижнего среза забора увидел черные башмаки, шагающие вдоль, а над верхним – черный платок. Потом платок поднялся и на меня, на миг посмотрели черные глаза. Я не разобрал, что увидел в них. Потом глаза ушли за забор. И башмаки тоже.

Хозяева сложили мясо. И я принялся за второго. А когда после второго вышел покурить – уже темнело. Телята закончились на третий день к обеду. Я вышел во двор и подумал: «Неужели все? Неужели я сделал это? И выжил?»

Я взял несколько килограмм мяса для себя, а остальное деньгами. Не стал составлять конкуренцию своими продажами. Да и не смог бы. Это уже не мое дело. Я мясник, а не продавец.

А на деньги я построил клетки для кроликов, обустроил сарай для нутрий. Купил кроликов, нутрий. Взял подержанный мотоцикл «Иж-Юпитер». Я прокатил на нем свою будущую жену, и она не смогла глас с меня оторвать после этого. А после – я ей сказал: «Ей, детка, переезжай жить ко мне!».

После самого страшного урагана, все ровно выходит солнце, и это солнце самое яркое для тех, кто остался в живых. Как наша страна победила эту ядерную силу при аварии на АЭС, и не дала умереть людям от радиации. Тогда я не понимал, какая порция требовалась для отравления землян. Как и другие люди из нашего поселка с дефицитом информации. Так и я пережив четыре дня безработицы, воскрес с новыми возможностями. Но я не знал, что после воскрешения, наступит следующий ураган.

Черные глаза

С этого дня прошло одиннадцать лет. Я привык жить в новой стране. Привык к открытой информации по телевизору. Пережили дефолт, первую чеченскую войну. Сейчас шла вторая. И я радовался, что у меня не было сына, который мог родиться в начале 80-х. А президент продолжал бороться с похмельем. У меня была дочка Леночка, ей девять лет. Она учиться во втором классе. И она отличница.

Я смотрел цветной телевизор «ГолдСтар», нынче «Элджи», как зашла в дом Виктория в темно-синем домашнем костюме. И ее попка не была уже такой упругой, но стала еще роднее.

– Дорогой! К тебе пришла какая – то бабка. —

Жена моя была встревожена. Я встал. Натянул майку на свой ленивый живот.

– Требуется тебя, Гоша! —

– Я посмотрю! Она тебя напугала? Что она сказала? —

– Она сказала: «Позовите Гошу!». И все! Но она такая вся напуганная. У тебя нет неприятностей? —

– Нет! Я разберусь, милая! —

Я поцеловал ее в щеку, хлопнул по попке. Надел тапки в коридоре. Открыл дверь. Мои глаза сразу увидели черный платок, торчащий из-за забора и темные глаза. Те самые глаза, которые я увидел в 87 году. Только цвет их стал тусклым. И по моей спине пробежала дрожь. И я вспомнил – я как будто провалился в колодезь времени и вернулся в 1 сентября 1987 года. В день, когда отдыхал после забоя семерых телят сестры соседки. И тогда лил дождь. Я вечером проводил Вику домой. Я весь промок. Я вытерся. Поменял одежду и лег.

И тут кто-то внезапно застучал. Так неожиданно, что я вздрогнул. Это не стук об стекло. И я не понял сразу, кому был обращен этот стук. Он был металлический. Кто-то колотил по калитке. Я встал. Хотел включить свет. Но света не было. В то время у нас часто выключали свет. Где-нибудь в поле сорвет провода от ветра. И ветер был в этот вечер. Когда живешь долго в одном доме, ты привыкаешь в звуку, который издает твоя калитка. И я понял – стучали мне.

Я натянул куртку и выглянул. В темноте, в каплях дождя стоял человеческий силуэт. Стук прекратился. Но силуэт молчал.

– Кто это? —

– Вы Гоша? – Спросил женский голос. По голосу женщине было около сорока.

– Кто это? —

– Видите ли, я хотела предложить вам работу! —

Я пошел к калитке. На женщине был черный платок на голове, прятающий волосы. Но челка торчала – волосы черные, и падала на темные глаза. На женщине была черная длинная куртка. Брюки и черные знакомые башмаки. Она была вся мокрая. В это время автобусы не ходили.

«Неужели, она пришла сюда пешком?! Там же километров пять!» – Удивился я.

Страх. Вот что я увидел в ее глазах, в тот раз. Безнадежный страх. Я автоматически открыл калитку и проводил свою гостью в дом. И только когда мы сели около печи, под свет одинокой свечи, я осознал, что сделал. Видимо, я испытал жалость к ней.

Я поставил греть чайник. Повесил одежду.

– Что у вас случилось? – Я спросил. Ее голос дрожал.

– Меня зовут Агата! Я слышала, что вы бьете скот!?! —

– Да, этим я занимаюсь! Чем могу быть вам полезен? У вас телята? —

– У меня нет телят! И я не знаю, как вы отнесетесь к моему необычному предложению. —

– Я вас слушаю! Говорите, пожалуйста! —

– Я хочу, чтобы вы убили мою собаку! —

– Собаку? —

– Да! У меня молодой пес! Это все, что у меня осталось после моего мужа – тирана! —

Мне стало не по себе! В эту минуту пар пошел из носика чайника, который и спас меня. Я наливал чай (уже с сахаром) в белые чашки. А Агата говорила. Ее мокрое лицо высохло от тепла печи. Женщина была хороша собой, но ее переживания отражались на лице, что подчеркивалось светом свечи. Пахло тлеющим в кухне углем.

– Я ненавижу этого человека! И не хочу, отдавать пса другим людям! Выполните работу, и я щедро вас отблагодарю. —

Я поставил чашку перед ней. А сам сел напротив.

«Боже, что у нее за муж был, что принес столько несчастья? Такое чудовище, что она хотела уничтожить все с ним связанное! Даже собаку, которая была виновата лишь в том, что ее отдали не в те руки, или эти руки сами ее нашли!»

– Это действительно, необычное предложение! Я ведь такого никогда не делал! —

– Вы бьёте животных, и этим зарабатываете! Я могла обратиться к любому местному алкашу, который за бутылку самогона убьёт родную мать. Но я хочу, чтобы это было обдуманно и осознанно. Поэтому я обратилась именно к вам, Георгий! —

В ее словах была логика. И ей не управляла только ненависть, что меня успокоило.

Пока я стоял, молчал, гостя продолжала:

– Но у меня есть условия! Когда мы договоримся с вами об этом деле! Я сама приду к вам, и за вами. И скажу: «Гоша, пора убить пса!». И еще... —

Она замолчала, и посмотрела на меня утвердительно.

– Что? —

– Это произойдет ночью! —

– Почему ночью? —

– Хочу, чтобы это произошло ночью, а утром я все начну с чистого листа! —

Она говорила серьезно. И за всю беседу ее красивые губы не изогнулись в улыбке. Агата знала, чего хотела.

– Я подумаю! —

– Я не знаю причину, по которой вы можете отказаться! Это хорошие деньги! Вы делает часть своей работы. Разделять пса не надо! Только убить. Только вместо теленка, какая-то собака. —

«А ведь действительно! Сколько эти твари мне мешали на моем жизненном пути? Почему я должен испытывать страх? Если должно наступить время мести, то это оно! Хоть одну тварь убью за несколько других»

Но решение я отложил на утро. Я еще раз произнес: «Я подумаю!»

И добавил: «До утра!»

Мы пили чай. Дождь шел. Я не стал выгонять Агату на улицу и настоял, чтобы она осталась. Я дал ей полотенце, одежду, что мать оставила, и уложил на диван в зале. Сам лег в спальне.

И перед сном решил, что это хорошее предложение за такое маленькое дело.

А когда проснулся, то кровать оказалось пустой. А рядом, на стуле лежала сложенная одежда.

Оружие для пса

После этого ночного разговора, я решил, что видел эту женщину в последний раз. С одной стороны я чувствовал облегчение. Но с другой – мой внутренний голос говорил: «Гоша, нужно было соглашаться!»

Я позавтракал. Хотел проконсультироваться с одним человеком, по поводу клеток для кроликов. Я вышел на улицу. А женщина в платке стояла около дерева Тютини.

– Я думаю, вы согласились? —

– Да, я согласен! – Автоматически, мой внутренний голос опередил меня. И я не стал спорить.

– Хорошо! Я дам вам знать время и место! —

– Вы придете? —

– Да! Будьте, пожалуйста, дома, к часам десяти на этой недели! На этой недели это и произойдет. —

– Я буду ждать! —

Я захлопнул калитку. И перед тем как она отвернулась и пошла к концу улицы, я увидел что-то похожее на улыбку! Это была скромная улыбка, которая появилась на миг.

Три дня я ждал женщину. Я гулял и занимался своими делами до десяти вечера. Даже Вика вместо того, чтобы идти гулять со мной, сидела со мной дома.

У меня был молот, чтобы глушить скот, и нож, чтобы его разделявать.

«Ударить пса молотом, а потом перерезать ему шею? Не уважительно к псу!» – Думал я.

И тут я вспомнил про ружье.

Я спустился в подвал. Открыл ящик на замке. Достал его.

«Пристрелить пса? Это лучше, чем предыдущая идея!»

Я почистил ствол. Смазал механизмы. Оно стало чище. Не новое конечно. Посмотрел патроны. Отложил шесть штук. Два псу хватит. Остальные на случай, если другие окажутся – непригодными.

За эти три дня я купил мотоцикл. На третий день помогал Вики с вещами. Полдня перевозили. Полдня – разлаживали. К концу дня силы у меня заканчивались. И Вика сама доделывала.

Десять часов. Посмотрел я на часы, висящие на стене. Агаты нет. И я решил – не сегодня. Я лежал на диване. И глаза мои закрывались.

Стук, стук, стук!

– Гоша! Тебе стучат! – Сказала Вика.

Я взглянул на часы. 23:20.

Это пришла Агата. Я взял сумку с ружьем. Выглянул. Действительно она.

– Я сейчас! —

Я выкатил мотоцикл на улицу. Захлопнул калитку.

Вика крикнула: «Удачи!»

Я сказал ей, что у меня ночная шабашка, которая поможет нам деньгами. Когда речь заходит о благоустройстве женщины на многое могут закрыть глаза. Даже на странности.

– Я не поеду на этом! – Сказала Агата.

– Вы предлагаете идти пешком? —

Она молчала.

– Хорошо! Вы идите! Встретимся там! —

Я завел своего коня. Агата помялась, и все-таки села, взяв сумку себе.

И мы поехали. А за нами следила полная луна.

Возвращение черных глаз

Это все всплыло у меня перед глазами, когда я увидел в 1998 году темные тусклые глаза, у голубой калитки дома. В моей голове внутренний голос отчетливо повторял: «Клянусь! Клянусь! Клянусь!»

Я пошел по двору. А моя жена наблюдала из приоткрытой шторой щели в окне. Я остановился у калитки, во дворе.

Я не хотел, чтобы эта женщина заходила в дом. Агата заметно постарела. Ее лицо прорезали морщины. Морщины окружали ее глаза, в которых так же был страх. Она была напугана. И ее страх передался мне. Я все вспомнил.

«Произошло!» – Решил я.

– Здравствуйте, Агата! —

– Здравствуй, Гоша! —

– Что произошло? —

– Пришло время выполнить клятву! —

Говорящие глаза

Мы поехали в соседний поселок. По полю – так короче. Только не с той стороны, с которой мы ехали с дядей Вовой. А с другой – к тем торчащим треугольникам домов. Агата жила на окраине. Вокруг ее дома, до соседей бело метров сорок. Старый забор, местами покосился, местами лежал на земле. Несколько тополей росло около забора. Было очень тихо. Я потушил фару около двери забора, именно двери, деревянной кривой двери. Агата спрыгнула с сумкой, открыла дверь. Я закатил мотоцикл внутрь. Поставил около дома. Дом был каменный, серый с высоким фундаментом и крыльцом. За домом сарай. Огород. Туалет. Летний душ. В конце забора еще один сарай. Агата завела меня в коридор. Она зажгла свет. Там стоял стол и два стула.

Я поставил сумку на стол. Агата молча смотрела. Я расстегнул молнию. И выложил тульское ружье на стол. Потом достал из кармана патроны.

Женщина посмотрела на меня. Я на нее.

– Меня не интересует, как вы это сделаете! Но сделаете это до утра! – Сказала она.

Я зарядил два патрона.

– Пес в дальнем сарае! Там горит свеча. Когда сделаете это – крикните. Я приду – посмотрю. И мы рассчитаемся! —

Я взял ружье и пошел по темному двору. Дверь в дом закрылась со скрипом. Я обошел дом и шел с краю огорода. Через маленькое окошко я видел, как мерцает свет от огня свечи.

Я приблизился. И вошел.

На подоконнике стояла свеча. В углу двери красное оборванное кресло. По диагонали на полу лежал старый матрац. На матраце пес, в ошейнике и на цепи.

Он был бело-серый. Серая спина. Серая морда. Серый хвост. Лицо вытянутое, как у волка. Он и был на него похож. Но примесь тоже присутствовала. А глаза были ярко-серые. Живые! Будто -человеческие.

Он лежал. Морду положил на передние лапы. А когда я вошел – морду он поднял. И уставился на меня человеческими глазами.

– Ты пришел убить меня!? – Говорили глаза.

И я сел на кресло. А ружье положил на ноги. Я смотрел на него, а он на меня.

От крика до истерики

Я проснулся. Я так устал с переездом Вики, что меня выключило как телевизор – одной кнопкой. Свеча погасла. Но в сарае все ровно было светло. Через окно сзади – проникал солнечный свет.

«Уже утро!» – Удивился я.

Я чувствовал себя плохо. Хотел спать. Тело ломило. Но кресло было удобное. В нем было удобно спать. И я бы с удовольствием продолжил, при других обстоятельствах.

Я посмотрел на матрац. И пса там не оказалось. В ошейнике и на цепи калачиком расположился ребенок. Он был нагой и грязный. И было ему около двух лет. Я решил, что мне показалось, и я подошел. Я вытер глаза. Но не показалось. Я стоял и наблюдал эту картину, и не успели в моей голове сформироваться вопросы, как дверь за спиной открылась и Агата проговорила.

– Я же говорила тебе убить его до утра! —

Я повернулся.

– Где пес? Откуда ребенок!?! —

– Это пес! – Она указала рукой на ребенка.

– Это ребенок! —

– Ребенок! Ребенок! Пошли в дом! —

Я забрал ружье! И мы сели в коридоре.

– Почему вы указали, что пес это ребенок!?! —

– Потому, что так и есть! —

Агата сложила руки на груди.

– Это ребенок! И зверь в одном теле! Не смотри на меня так! Крыша у меня на месте. Хотя, должна была уже съехать от этого! Ты и сам все видел, Георгий! —

А, что собственно я видел? Ночью – пса в ошейнике. Утром – ребенка в том же ошейнике. И это доказывает, что пес – это ребенок? Пес утром превратился в ребенка? Мне поверить словам этой женщины? Смешно!!!

– Вы шутите? – Спросил я, и положил ружье на стол.

– Я очень хотела бы, чтобы так и было! И я не хотела, чтобы все так произошло! Но я терпела, видит Бог, сколько могла! Но не могу больше это вынести! Больше не могу! Почему ты не убил пса? – Агата встала и стала кричать!

– Почему ты не убил пса? —

Она кричала так страшно, что я вздрогнул. Ее крик превращался в неконтролируемую истерику. В таком состоянии эта женщина могла совершить что угодно!

– Почему ты не убил не пса? Почему ты не убил его? – Продолжала она. Она схватилась руками за голову, закрыла уши. А рот ее искажался в ужасных, принятых формах с дрожащими губами.

Я встал и обнял ее. Агата рыдала мне в грудь. А ее руки бросили держать голову, и стали колотить мне в грудь.

В моей голове все перевернулось. Когда человек так кричит и плачет, то сразу понимаешь, что произошло что-то ужасное. Когда слышишь об этом по радио или телевизору, ты не осознаешь это. А когда это происходит рядом – ты чувствуешь испуг. Как внутри все сознание приходит в дисбаланс. Я ужасно испугался. Такому поведению должна быть причина. И я испугался тому, что Агата сошла с ума, или сходили с ума. И я испугался, того, что может дело не в Агате. Что ее ум в полном порядке. Но тогда, сказанные ее слова – правда. Что ребенок – это пес. И это страшно. Вот чего я боялся больше всего. И в моих ногах образовалась легкость. Ноги подкатились. Агата продолжала меня бить, но с меньшей силой. Она повисла на мне. Ее

руки сомкнулись на моей шее. А голову она положила мне на грудь. Я решил, что мы упадем. Я сел быстро на стул. А Агаты села мне на колени, как маленькая беспомощная девочка. Я решал, чего же я испугался. Чего боялся больше.

Клятва мясника

Мы можем убивать животных. Мы можем бить телят, коров, свиней. Это мясо. Это еда. Мы можем даже убивать животных, потому, что они нам не нужны. Мы убиваем волков, лис, так как они убивают наш скот. Они могут убить нас. Мы защищаем себя. Мы топим котят. Мы топим щенков. Потому, что они нам не нужны. Они будут мешать нашему комфорту. Но этот младенец был только наполовину зверем. Он наполовину пес. И наполовину я могу согласиться пристрелить его. Пристрелить ребенка я не намерен.

– Тебе нужно убить этого зверя! – Повторяла Агата.

Я сидел на ступенях крыльца. Я закурил еще одну сигарету. Я не мог накуриться.

– Ты слышишь меня? —

– А он напал на кого-то? —

– Послушай, таким существам не место в этом мире! Ребенку два года. Ты видел пса. Он как средний волк. А когда ребенок будет юношей, – какого размера будет этот зверь? Он будет представлять опасность! Лучше сейчас это сделать! —

– Вы говорите, только о звере! Но я ни хочу убивать человека! Я не хочу убивать малыша! —

– Поэтому приходите в полную луну! —

– Но я ведь знаю, что это человек! Он ничего не совершил! Вы хотите, чтобы я стал палачом? Вынес вердикт, тому, кто ничего не сделал? —

– Значит, пусть загрызет кого-нибудь? Тогда вы будете готовы убить его? Когда будут жертвы? —

– Я не говорил этого! Но не за что, не сделаю этого просто так! Для, того, чтобы убить человека требуется причина. Серьезная причина! Может, если бы он напал на меня. Стоял вопрос между смертью и жизнью. Я бы сделал это! А так! Это несправедливо! —

– Если он совершит преступление! Принесет кого-то в жертву! Вы выполните работу? —

– Я сделаю это! —

– Поклянись, Гоша! —

– Клянусь! —

Глаза и шерсть

– Мой отец был рыбаком. И взял меня однажды с собой. Мы разложили палатку на берегу. Мы попали в сильный ливень. На следующее утро, я и отец пошли в лес искать сухие дрова для костра. Я заблудилась в лесу. Меня нашел волк. Он набросился на меня. И поволок за ногу. Он бы убил меня, и съел. Если бы не охотник. Волка он пристрелил. Я выросла. Вышла замуж. Забеременела. Родился сын. И все было хорошо. Но при каждой полной луне – мой сын превращается в пса. В пса, так напоминающего волка. В зверя. Это мужское проклятие. И передается только мужчинам. Муж не выдержал этого. И бросил меня одну. Наверно, он сначала решил, что я схожу с ума. А потом, что он – сходит с ума! А я жила с этим одна! —

Мы сидели за столом. Друг напротив друга. Агата протирала мокрые глаза.

– Поэтому следует убить его! – Сказала она.

Мои руки дрожали. Кисти я держал перед собой, на столе. Но дрожь продолжала бить в пальцах.

– Но это же ребенок! – Ответил я.

– Поэтому нужно убить пса. —

Я вышел на крыльцо. Достал сигарету «Космос» из пачки, с изображением белой ракеты. Закурил. Сигарета танцевала в руке. Я вынул патроны из ружья, чтобы Агата не разнесла мне голову. Я пошел по огороду в сторону сарая. Я должен был убедиться в том, что услышал. Я курил и дрожал. Я подошел к сараю. Я услышал детский плач. Я вошел.

Малыш лежал на спине и рыдал. Я заглянул ему в глаза. Его глаза были ярко-серые. Человеческие. Глаза пса. Дрожь в руках обострилась. Я с трудом держал сигарету у рта. Я прижал фильтр зубами. А потом я увидел на теле младенца мусор. На его грязном теле я увидел прилипшую серо-белую шерсть. Тут задрожали и зубы. Сердце быстро заколотилось в груди. Стук сердца стучал эхом в голове. А виски стали набухать. Появилась тяжесть в голове. Я вдохнул дыма. Так много. Что не смог удержать. Я подавился. Я уронил сигарету, и она упала на деревянный пол.

Я собрал несколько волос с головы малыша.

«Не может быть!» – Говорило мое сознание, пытаюсь обмануть глаза.

Я вышел в огород. Агата шла с полотенцем в руках.

– Убедились? – Спросила она, и скрылась за дверью сарая.

А я не мог сказать не слова, пытаюсь удержать зубы во рту.

Поломанный брус

Агата появилась у моей калитке второй раз. И я повторно взял свою семейную реликвию в руки. И второй раз – оказался в доме Агаты.

Прошло одиннадцать лет. Агата заперла деревянную дверь двора. Дрожащими руками закрыла засов.

Я положил ружье на ступени. Зарядил два патрона.

– Что произошло? —

– В эту ночь все стало намного хуже! Я отвела его, как обычно в сарай. Надела ошейник. Заперла дверь сарая. Легла спать. В такие ночи особо не заснешь. Я всегда добавляла ему снотворного в еду, которым пользовалась сама. Я оставляла чашку. Может, снотворного оказалось мало. Может оно не действует на него больше! Я не даю сыну снотворного. Еду ставлю в чашке, в сарае. Но в середине ночи, я услышала, как он бьет по стенам сарая. Как он бешено ходит там, ищет выход. Я смотрела в окно. Заперла дом. Я так боялась, что он сможет выбраться. Когда, наконец, наступило утро. Стало тихо. Я набралась смелости и вышла. Я посмотрела в окно. Вова лежал на полу. А тот брус, к которому вела цепь. Он...

– Что? —

– Он был сломан! Он выдернул его. Он достаточно сильный, что бы сбежать! Я не знаю, что делать? Тогда, одиннадцать лет назад, убить его было намного проще. А теперь его самое уязвимое состояние. Не состояние – молодого пса. А когда он – человек! —

Я прошел к сараю. То, что я увидел там, потрясло меня сильнее, чем в первый раз. Я смотрел в маленькое окно.

Свечи на подоконнике не было. Стояло то же кресло. Тот же матрас валялся на полу. Матрас был смят и лежал в углу. Посреди сарая лежала солома. На соломе, на животе лежал голый грязный подросток. Он был без сознания, или был во сне. Ноги были вытянуты. Голову он положил на правую руку. Другая рука легла вдоль тела. Волосы были в грязи. Грязные ступни. Спина. Грязные пальцы рук. Кисть правой руки торчала из-за лохматых волос. Правая рука еще была мокрой и красной. Кровь. Это была кровь.

И тут я заметил, что в окошке, в которое я смотрел, торчали острые кромки стекла. Они тоже были измазаны кровью. Он ломился в окно.

– Вы заходили внутрь? —

– Да, заходила. —

Я открыл дверь и сел около его головы. Ружье положил на колени. Его глаза были закрыты. На щеке был глубокий порез с запекшийся кровью. Зверь ломился в окошко. Он хотел выбраться, а это была единственная возможность.

– Что вы предлагаете, делать? – Спросил я.

– Тоже, самое, что и тогда! —

– Может, я почию брус? —

– И так будет, до следующего раза? —

Я промолчал. Я посмотрел на ошейник. На цепь. Брус в углу был выдернут. А крыша держалась на досках стены. Этому животному требуется сарай покрепче. Стены не удержат его взаперти.

«Зачем тогда нужны стены?» – подумал я.

– Он вырвется отсюда! —

– Я знаю! Послушай, Гоша! Я знаю, ты не хочешь убивать его! Но ты не знаешь, как я жила эти тринадцать лет. Я не могу больше этого терпеть! И я не жалею себя. Я жалею его. Он никогда не пойдет в школу. Не встретит девушку. Он не сможет жить нормально, как человек. И не знаю, смогу ли вытерпеть это дальше... —

Я посмотрел на Агату.

– Поэтому, если ты не сделаешь, что обещал. Я покину этот дом. —

Я мог бы стать отцом

И Агата так и сделала. Она просто собрала один чемодан и ушла. А я остался один. А на полу лежал подросток. Я повесил ружье на плечо. Осмотрел цепь. Цепь была толстой. Не повреждена. И кожаный ошейник был в порядке. Петля на конце цепи держалась на болте и гайке.

«Мне нужно привязать его!»

Я осмотрел сарай. Посмотрел на полку. На полке стояли одни банки. Посмотрел на пол. В мотоцикле лежали ключи. Я запер дверь. Подросток так же лежал. В бардачке взял все ключи, которые были там. Пришел обратно. Я открыл дверь. На полу подростка уже не было. Вова сидел в углу, у сломанного бруса. Он прижал ноги к животу. Колени были счесаны. А руками он обхватил колени. И дрожал. Он смотрел на меня. А длинные лохматые волосы падали ему на глаза.

– Привет! Я Гоша! —

Он смотрел на меня и молчал.

«Она хоть научила тебя разговаривать?»

С ним уже труднее справиться, чем с маленьким ребенком, которым он был. Его не возьмешь на руки. Но он был напуган. Я не думал, что он нападет. Я смотрел ему в глаза, как собакам, которые пугали меня на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.